

самостоятельную жизнь для заведения собственного «хозяйства». По крайней мере, источники дают возможность предположить именно этот вариант.

Для того чтобы понять смысл взаимоотношений вымских и пермских князей, необходимо разобраться в соотношении Пермь Вычегодской и Пермь Великой в целом. В ВВЛ под 1481 г. описывается набег Асыки на Пермь Великую и вслед за этим сообщается: «Того же лета прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские¹ знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегоцкие², и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину, а на Чердыню не писал луки, потому вогульское розорение» [Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 263]. Данный текст прямо свидетельствует, что чердынские луки считались Вычегодскими и должны были переписываться заодно с остальными (вычегодскими, вымскими, сысоленскими и удоренскими), но не были переписаны только из-за форсмажорных обстоятельств.

Собственно, и в самом сообщении о назначении наместников «на Пермскую землю» есть констатация такой общности: «...да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной» [Там же, с. 261]. Подчиненность волостей указана суммарно – «ведати им» – применительно и к вымским князьям, и к пермскому. В последнем предложении «великопермские» волости отдельно даже не упоминаются, по умолчанию они включены в состав «вычегодских». В этом же предложении слова «волости» и «грамота» не согласованы в числе, стало быть, речь идет о том, что управление вычегодскими, вымскими, сысоленскими, удоренскими и великопермскими землями осуществлялось на основании одной «грамоты наказной уставной».

Даже само название Пермь Великая свидетельствует о том, что этот район первоначально был зависим от Пермь Малой (Старой, Вычегодской). Сошлемся на мнение В. С. Чуракова: «Сам факт появления в конце XIV в. оппозиции Пермь Вычегодская (она же Пермь Малая) и Пермь Великая ясно указывает на направление колонизации: в подобных парах определение «великая» служит указанием на колонизируемый район, тогда как определение «малая» (или его отсутствие) указывает на исходную область колонизации» [Чураков, 2008, с. 15]. У А. Ф. Журавлева мы можем найти конкретные пояснения: «Дело в том, что определения «малый» и «великий» в составе наименований географических территорий и этносов обычно связаны с разграничением территорий соответственно начального и позднего расселения: обозначения стран и народов с компонентом «великий», как правило, относятся к области вторичной колонизации, а не к метрополии. Ср. *Великая Греция* (Южная Италия и Сицилия относительно греческой метрополии, Эллады), *Великопольша* (историко-этнографическая область с центром в Познани – территория, позже освоенная славянами, двигавшимися с юга на север, чем *Малопольша*, область Кракова), *Великая Моравия*, *Великая Германия* ... и т.д.» [Журавлев, 2005, с. 48]. Добавим к этому перечню также Малую и Великую Россию.

Направление колонизации³, управление двумя территориями на основании одной (общей) уставной грамоты, наконец, направление именно старшего сына наместником в отдаленную область – все эти факты свидетельствуют о том, что именно Пермь Вычегодская была «родовым гнездом» князей Вымских и Пермских. Пермь Великая же была своеобразными «выселками» из Пермь Малой, которые достаточно рано начали играть самостоятельную роль в силу стратегической важности расположения на пересечении нескольких водно-волоковых путей.

В середине XV столетия

Пермские и вымские князья были далеко не первыми представителями коми знати на русской службе. Известны, по крайней мере, двое коми сотников, принимавших участие в боевых действиях против Д. Шемяки под Устюгом в 1450 г.: «Лета 6958 повелел князь Дмитрий Юрьевич Шемяка вятчанам идти к себе, а сам поиде от Новугорода в ладьях земли Устюжские разоряти. Призвали устюжана от Шемякины пособляти вычегжаны и вымичи, а сами супротив Шемяки не держали. Казнил князь Шемяка пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их» [Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 261]. Архангелогородский летописец сообщает об этих событиях несколько подробнее и мотивирует действия Шемяки: «В лето 6958... И устюжана против его щита не держали, и князь Дмитрией Шемяка город Устюг засел, а земли не воивал, а людей добрых привел к целованию. А которые добрые люди не хотели изменить великому князю Василью, и они не целовали за князя за Дмитрея, и он их казил: Емельяна Лузсково, да Миню Жугулева, да Давида Долгошеина, да Еуфимья Еживину, метал их в Сухону реку, вьжучи камение великое

на шею им. Един же от них Еживина Еуфимеи, на дне седея, изрешись, и выплове вниз жив, и утече на Вятку» [Архангелогородский..., 1972, с. 88–89].

Емельян Лузьков и Ефим Эжвин явно происходили из крещеных пермлян, поскольку имели христианские имена, но при этом характерные коми фамилии, указывающие на место жительства сотников. Е. Лузьков происходил из района р. Лузы, а Е. Эжвин, очевидно, из района нижней Вычегды (Эжва – коми название этой реки). Данные территории находились тогда в пределах Пермской епархии. Неудивительно, что сотники выступили на стороне своего епископа Питирима, который, как известно, в 1447 г. «с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей» [Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 261]. Даже если Ефим Эжвин спас свою жизнь, число сторонников великого князя Василия в Пермской земле, которые в свое время, видимо, «целовали» за великого князя, существенно сократилось, поэтому выглядит совершенно логичным пожалование княжеского титула представителям вымской племенной знати.

Василий II воспользовался тем, что Шемяка и вятчане действовали с молчаливого одобрения формального «сюзерена» Перми – Новгорода Великого, выступавшего, таким образом, против собственных «вассалов». Для великого князя это был прекрасный повод покончить с новгородской административной неопределенностью в отношениях со своими восточными волостями, точнее, максимально ее усилить. Назначение наместника из русских выглядело бы слишком явным нарушением юридического статус-кво, поэтому он предпочел паллиатив: назначил собственных наместников из лояльной местной знати. Таким образом, внешне (формально юридически) ничего не менялось, и Новгород не имел повода предъявлять претензии.

Присмотримся внимательнее к трем первым пермским князьям. Князь Ермолай во всех источниках назван без отчества, что наводит на мысль, что его отец не имел крестильного имени, а сам князь явно был неопитом. Заметим также, что на Руси не было ни одного князя с таким явно неаристократическим именем. Ермолай в переводе с греческого – «вестник народу». Памятный день его небесного патрона свмч. Ермолая Никомидийского отмечается 26 июля по ст. ст. вместе со св. Ермиппом и Еромкратом, «пострадавшими в Никомидии от Максимиана в лето 296» [Полный христианский..., 1818, с. 110–111]. При Ермолае на Выми остался его младший сын Василий (с греческого – «царский»), названный так, несомненно, в честь «св. равноапостола великаго Князя Владимира, нареченнаго во св. крещении Василия» (память 15 июля ст. ст.) [Там же, с. 106].

Еще более «говорящее» имя у старшего сына князя Ермолая – Михаила (в переводе с древнееврейского «равный, подобный Богу»), которого, может быть, крестили, видимо, в честь преподобного Михаила Малеина (память 12 июля ст. ст.) [Там же, с. 105], но, скорее всего, в честь преподобномученика Михаила Эдесского (29 июля) [Там же, с. 112]. Кстати, в житиях обоих святых содержится информация о том, что они для свершения христианского подвига покинули либо родные места, либо уже обустроенный монастырь. Но в свете возлагаемой на коми князей миссии, вероятнее всего, подразумевался Михаил Архангел (6 сентября и 8 ноября ст. ст.). «Архангел» в переводе с греческого – «старший посланник». И, действительно, в контексте Ветхого Завета архистратиг Михаил выступает как старший посланник Всевышнего. Князю Михаилу Ермоличу была уготована особая роль: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7–9). Напомним, что на месте «прокудливой березы» св. Стефан Пермский построил храм именно в честь Архангела Михаила, низложителя духов тьмы. Вряд ли можно сомневаться, что именно князю Михаилу, отсылаемому из Выми на Пермь Великую, тогда еще не крещеную, предстояло выступить в роли и «старшего посланника», и «архистратига», хотя и не всевышнего, но русской православной церкви.

Почти определенно можно считать, что князь Ермолай с сыновьями был крещен во второй половине июля (15, 26 и 29 июля ст. ст.) 1451 г., о чем свидетельствуют именинные дни князей, укладывающиеся в двухнедельный период. Такая продолжительность периода для имянаречения по православной традиции была вполне допустима, и другого подобного периода с близко расположенными именинными днями в святцах просто нет. Собственно в награду за лояльность, крещение и принятие московского подданства пермские князья и были пожалованы наместническими должностями и княжеским достоинством. Первые коми князья-христиане имели знаковые имена, выражавшие вполне определенную миссию, возлагаемую на них русской православной церковью и Мо-

сковским государством. Добавим к этому, что крещение коми князей могло произойти только в Выми, которая была одновременно и резиденцией пермского епископа, и родиной князя Ермолая, но никак не в Перми Великой, которая, как известно, была крещена только в 1455 г.

Практика «жалования» княжескими титулами и землями для вовлечения в орбиту российской политики, апробированная в Перми, позднее использовалась московскими властями и православной церковью и в отношении племенной знати западносибирских народов. В 1465 г. «...велел князь великий Иван Васильевич Василью Скрыбе устюжанину Югорьскую землю воивати. А шли с ним хотячие люди, да с ним же ходил князь Василей Вымский Ермолич с вымичи и с вычегжаны. А пошла рать с Устюга месяца мая в 9 день. Они же, шедше, да Югорьскую землю воивали, и полону много вывели, и землю за великаго князя привели. А князей югорских – Калпака да Течика – к великому князю Ивану Васильевичу на Москву правели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорьскую...» [Архангелогородский..., 1972, с. 91]. Такая политика в отношении туземной знати практиковалась в Сибири до XVIII в.

Остается под вопросом, получили ли пермские князья сразу жалованные грамоты, наподобие той, которая была дана в 1692 г. казымскому князю Юзору Райдукову и утверждала княжеское достоинство, предоставляя право управлять соплеменниками [Первалова, 2004, с. 56–58]. В 1451 г. пермские земли формально еще принадлежали Новгороду Великому, по крайней мере, в договорах он числил их за собой вплоть до 1472 г. В то же время в докончании с королем польским и великим князем литовским Казимиром от 31 августа 1449 г. Василий Темный уже употребляет следующую титулатуру: «...князь великий Василей Васильвич московский, и новгородский, и ростовский, и пермский, и иных...», без оглядки на Новгород [Духовные..., 1950, с. 160].

Чердынский синодик

Имя теперь ясное представление о происхождении и обстоятельствах назначения князя Ермолая с сыновьями наместниками в Пермь, обратимся к анализу Чердынского синодика. Для этого воспроизведем источник по наиболее исправной публикации А. А. Дмитриева в «Пермской старине», сохранив его курсив:

«Богоспасаемого града Чердыни, обители Вознесения Господня, Иоанна Богослова общежития монастыря, монастырские быша начальники, лета 6985 (т.е. 1477) января в 6 число, – помяни Господи души преставльшихся: архимандрит Дионисей, игумены и строители; помяни господи души *Великопермских князей и княгинь: князя Михаила Пермскаго, убит от Вогуличей, князя Владимира Пермскаго, князя Иоанна Пермскаго, князя Ермолая Вымскаго, князя Василия Вымскаго, князя Федора Вымскаго, князя Иоанна Пермскаго, убит от Вогуличей, князя Дмитрия Пермскаго, князя Константина Пермскаго, князя Андрея Великопермскаго, князя Матвея Пермскаго, княгини Анны, княгини Ксении, княгини Анастасии Великопермския*» [Дмитриев, 1889, с. 159].

Попытку анализа Синодика сделал еще В. Н. Берх: «Ежели принять, что помянутый здесь 10-й князь Матвей есть тот, к коему относится письмо митрополита Симона, и почесть его сыном первого князя Михаила, то легко определить, в какое они время здесь жили. Однако же и в противном случае можно сказать решительно, что это было не прежде посещения мест сих Стефаном Великопермским, т.е. около 1380 года. Помянутые здесь князья Вымские владели, вероятно, в Усть-Вымске, постоянном жилище епископа Стефана. В Книге Большого Чертежа назван Усть-Вымск Старою Пермью, и, следовательно, должен он быть древнее Чердыни или Великой Пермии» [Берх, 2009, с. 134–135]. Другими словами, не отрицая напрямую родства между князьями Пермскими и Вымскими, Берх все же разделял их территориально, похоже, считая Вымскую династию старшей.

Наиболее подробно Синодик разбирал А. А. Дмитриев первоначально в «Пермской старине»: «Сделав общее наименование всех князей “Великопермскими” (помяни, Господи, души Великопермских князей и княгинь), синодик при частном перечислении имен разделяет однако их на три группы: 1) князь и княгини *Великопермские*: Андрей, Анна, Ксения и Анастасия; 2) князья *Пермские*: Михаил, Владимир, Иоанн, другой Иоанн, Димитрий, Константин и Матвей; 3) князья *Вымские*: Ермолай, Василий и Феодор. Из других источников известен еще один *Вымский* князь Петр, современник Феодора, и князь *Великопермский* Матвей, сосланный из Москвы в Верхотурье в 1641 году. Почему же все они объединяются в Чердынском синодике под общим названием “Великопермских”? Мы полагаем, что *это указывает на одну княжескую фамилию или род*, к которому принадлежали все эти князья и княгини; и так как, по всем данным, *главным местом их житель-*

ства была город Пермь Великая – Чердынь, где находилась и родовая их усыпальница, то все они в этом смысле и объединялись в одном наименовании *Великопермских князей*» [Дмитриев, 1889, с. 163–164].

Без развернутой аргументации («...достаточно ясно видно в хронологической дате самого памятника...») А. А. Дмитриев датирует Синодик 1477 г. Ему, как и другим дореволюционным историкам, была неизвестна Вычегодско-Вымская летопись, в которой содержатся прямые указания на родство князей Пермских и Вымских, но общий вывод исследователь сделал совершенно верный. Правда, в отличие от В. Н. Берха он посчитал, что Чердынь была исторической родиной обеих династий, вероятно, потому, что а) Синодик имел чердынское происхождение и б) он счел Богословский монастырь усыпальницей, общей для пермских и вымских князей. В 1901 г. А. А. Дмитриев посвятил анализу Синодика особую статью [Дмитриев, 1901, с. 78–81], в которой выделил две его редакции: 1477 и 1701–1737 гг., но о пермских князьях ничего не добавил, отсылая читателя к «Пермской старине».

В. В. Голубцов почему-то предложил более широкую датировку документа, точнее, древнейшей его части, основываясь только на известных сведениях и годах жизни пермских князей: «...приблизительную датую для княжеского списка Чердынского синодика будет период около 1463–1505 годов» [Голубцов, 1892, с. 76]. Он предпочел не обращать внимания (возможно, потому и сократил текст при публикации) на вписанную дату источника, только на первый взгляд противоречащую его содержанию.

Напомним, что синодик начинается не княжескими именами и первым в списке стоит архимандрит Дионисий, судя по всему, первый игумен Чердынского Иоанно-Богословского монастыря. Очевидно, именно он был настоятелем обители с 1462 по 1476 г. (поскольку назван «строителем»), а его смерть и стала поводом для создания синодика. На 6 января 1477 г. пришелся церковный праздник – Крещение Господне (Святое Богоявление), и братия («монастырские быша начальники») сочла именно этот день уместным для начала ведения «помянника». Таким образом, 1477 г. – начальная дата Синодика, а конечная дата его древнейшей части не может не быть 1505 г., когда «князь великий Василей Иванович ...свел с Великие Перми вотчича своево князя Матфея и родню и братию ево» [Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 264].

С другой стороны, в 1477 г. был еще жив основатель династии князь Михаил Ермолич, погибший, как известно, только в 1481 г., не говоря уже о младших членах династии. Это противоречие объясняется спецификой жанра синодика. По мнению М. О. Скрипиля, «под именем “Синодика” в письменности древней Руси известны три различных памятника. С конца XIV в. Синодиком стали называть переведенный с греческого “чин православия” – текст особой церковной церемонии, которая была установлена в Византии в 842 г. в честь победы над иконоборцами: пели “вечную память” умершим ревнителям православия, многолетие – живым и предавали анафеме (проклятию) иконоборцев... Кроме этого, слово “Синодик” в древней Руси стало очень рано употребляться как название “помянника”, т.е. книги, в которой записывались для поминания в церкви имена умерших. Помянник был добавлением к той части “чина православия”, которая посвящена была провозглашению “вечных памятей”, и нередко помещался в одной книге с “чином православия”, составляя его продолжение...» [Скрипиль, 1948, с. 294–295].

Таким образом, в Чердынский синодик имена не только усопших, но и здравствовавших князей могли попасть изначально, кроме того, имена князей и княгинь могли вписываться в источник по мере наступления их неизбежной смерти. Косвенное доказательство такого порядка имеется в тексте Синодика. В нем особо отмечена насильственная смерть князей Михаила Пермского и Иоанна Пермского (мл.). Имена одновременно погибших князей в тексте разнесены по поколениям, но после них добавлены одинаковые приписки: «убит от вогуличей». И, хотя в Синодике дата не указана, нетрудно сопоставить их смерть с событиями 1481 г.: «Лета 6989 пришедшу Асыка князь с пельнскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив» [Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 262–263]. В ВВЛ употреблено множественное число при упоминании погибших младших родственников Михаила Ермолича, но по Синодику выходит, что погиб только один – князь Иоанн (мл.).

Любопытно, что князья Владимир и Иоанн (ст.) Пермские в списке отделены от других пермских князей тремя князьями Вымскими. Если это не случайность, то, скорее всего, Владимир и

Иван – это братья Матвея Михайловича, сыновья князя Михаила Ермолича, те самые «княжата», которых в 1462 г. «добавне крести» епископ пермский Иона [Там же, с. 261]. Тогда князя Иоанн (мл.), Дмитрий, Константин – это третье поколение, внуки князя Михаила Ермолича, правнуки князя Ермолая Вымского.

В таком же порядке (по старшинству) перечислены князья Вымские: сначала общий основатель династии Ермолай, затем его младший сын Василий Ермолич [Там же] и только потом внук Федор Васильевич. Интересно, что в ВВЛ под 1485 г. вкуче с князем Федором упомянут еще один внук князя Ермолая [Там же, с. 263], но князь Петр Васильевич Вымский по какой-то причине не был внесен в общий список Синодика, хотя известно, что он погиб зимой 1499 г. [Там же, с. 264].

Заманчиво было бы предположить, что и женская часть княжеского рода была ранжирована в Синодике по старшинству. Тогда княгиня Анна – это жена Михаила Ермолича, княгиня Ксения – жена Матвея Михайловича, а княгиня Анастасия Великопермская принадлежит к третьему поколению династии. Однако после имени Анастасии фамилия написана в форме «Великопермскія», т.е. в форме винительного падежа множественного числа женского и среднего рода, а значит, «Великопермскими» именовали всех трех женщин и, скорее всего, все они принадлежат к одному поколению. К тому же поколению, к которому принадлежал и князь Андрей Великопермский, поколению праправнуков и праправнучек Ермолая Вымского. Почему же князь Андрей и княгини Анна, Ксения и Анастасия имели фамилии, несколько отличные от фамилий старших родственников, они не просто «Пермские», а «Великопермские». В принципе это серьезное и необходимое уточнение, поскольку власть их рода распространялась только на территорию Перми Великой, а не на все Пермские (Вычегодских, Вымских, Лузских и проч.) земли. А кто они друг другу, брат и сестры, или среди женщин была жена князя Андрея, определенно сказать невозможно.

Род князей Великопермских прослеживается по источникам до середины XVII в., но этот период находится уже за хронологическими рамками нашего исследования. Вообще же тема князей Вымских и Великопермских тесно связана с широкой проблематикой вхождения Перми Вычегодской и Перми Великой в состав Московского государства. Однако вопросы статуса пермских земель и пермских князей, объема их власти, времени окончательного присоединения упомянутых территорий стоит рассмотреть отдельно.

Примечания

¹ Заметим, что здесь слово «Вычегодские» написано с прописной буквы, так как означает принадлежность к Перми Вычегодской.

² В данном случае слово «вычегодские» написано со строчной буквы, поскольку оно употреблено в узком смысле: «расположенные по р. Вычегде».

³ Об археологическом аспекте этой проблемы стоит поговорить особо в отдельном очерке.

Библиографический список

- Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.
 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
 Архангелогородский летописец (Устюжская летопись) // Полн. собр. рус. летописей. Л., 1972. Т. 37.
 Берх В. Н. Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; 2-е изд. Пермь, 2009.
 Вершинин Е. В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000.
 Вершинин Е. В. Как Москва пришла на Урал // Родина. 2001. № 11 [электронный ресурс]. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=196&n=14
 Вершинин Е. В. Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству) // Культурное наследие Азиатской России: матер. I Урало-Сибирского истор. конгресса. Тобольск, 1997.
 Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 2.
 Вычегодско-Вымская летопись // Истор.-филол. сб. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.
 Голдина Р. Д. Древняя история Чердынского края в археологическом наследии // Чердынь и Урал в истор. и культ. наследии России. Пермь, 1999.
 Голубцов В. В. Князья великопермские, пермские и вымские (1463–1640 гг.) // Тр. Перм. учен. арх.

- комиссии. Пермь, 1892. Вып. 1.
- Давыдов В. Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.
- Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1.
- Дмитриев А. А. Чердынский Синодик // Тр. Перм. учен. арх. комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Журавлев А. Ф. Язык и миф: лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
- Иловыйский Д. История России. М., 1896. Т. 2.
- Иоасафовская летопись. М., 1957.
- Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- История Урала. Пермь, 1963. Т. 1; 2-е изд. Пермь, 1976. Т. 1.
- Карамзин Н. М. История Государства Российского. 4-е изд. СПб., 1834. Т. 6.
- Кизилов Ю. А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984.
- Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1907. Т. 1.
- Крупенин А. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Перм. сб. М., 1859. Отд. 1, ч. 1.
- Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.
- Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
- Мухин В. В. Еще раз о пермских князьях // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12.
- Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.
- Оборин В. А. О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV в. // Исследования по истории Урала. Пермь, 1976. Вып. 4.
- Пенн С. С. Исторические данные о Пермском крае до учреждения в нем воеводского управления // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь, 1862. Отд. 2.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.
- Полный христианский месяцеслов всех святых, празднуемых грековосточною церковью. М., 1818.
- Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 2.
- Савич А. А. Прошлое Урала: исторические очерки. Пермь, 1925.
- Скритиль М. О. Синодик // История рус. литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2 [электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ir/ir0/i22/i22-2942.htm>
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5–6.
- Татищев В. Н. История Российская. М., 2005. Т. 3.
- Трапезников В. Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV–XVII вв.). Архангельск, 1911.
- Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004.
- Чураков В. С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н.э. // Иднакар. 2008. № 1(3) [электронный ресурс]. URL: <http://www.idnakar.ru/>
- Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Уральского ун-та. Сер. Гум. науки. 1997. № 7, вып. 1 [электронный ресурс]. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0007%2801_01-1997%29&doc=../content.jsp&id=a03&xsl=showArticle.xslt#70
- Шишонко В. Н. Книги сошного письма Пермско-Чердынские и Чердынского уезда. Письма и меры писца Ивана Игнатьева Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова 1579 года // Пермские губернские ведомости. Отд. оттиск. 1879.
- Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 1. Пермь, 1881.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 7а.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.11.2010